

Под Таганрогом, под Саратовом рядом с обстрелянными бойцами мужали курсанты. Скоро Михаил Шишкин стал связным. И уже не кланялся каждой пуле, часто приходилось под обстрелом налаживать прерванную связь. Но подстерегла его пуля. И тут же случилось самое страшное — плен!

Четыре вбитых столба, обмотанных колючей проволокой, — «квартира» пленных. Издевательства, унижения, пытки... День и ночь думал Михаил о побеге. Как-то на рассвете, под осенним дождем, укрывшись с головой шинелью, вспомнил о доме: шумный двор, сеновал, куда, бывало, от братьев убегал с интересной книжкой; там, под стрехой, он припрятал и едва только начатый дневник. Теперь бы записать: «Я хромаю, как Овод, и, как он, вынесу все, а вырвусь на свободу!»

И вдруг — вокзал, «телятники», грохот колес уже по чужой земле. Из вагонов их перегнали опять за колючую проволоку. Михаил словно закаменел в отчаянье. Под лающую речь конвоиров перегоняли его из лагеря в лагерь и, наконец, забросили в подземелье бельгийских шахт.

«Да что же я-то... — встряхнулся Михаил. — Так и стану бессловесным рабом? Своими руками помогать врагу?!»

Глубока шахта. Беспощадна охрана. Михаил ко всему приглядывался, выжидал. Парень с Украины — Петро стал его сообщником. Задумали вместе бежать... Подметили

парни, как при подъеме наверх конвоиры иногда не досчитывались пленных: кто-то, вконец истощенный, умирал в забое, а кто-то, возможно, находил путь на свободу из этой могилы, глубиной в восемьсот метров.

Залегли однажды в порожнюю вагонетку, накрылись пустыми кулями из-под цемента. Их подняли из шахты. Среди бела дня перемахнули они через забор. Но наткнулись на бельгийского полицейского, и этот пес сдал их охране.

Неделю в холодном карцере горело исполосованное дубинками тело, но еще нестерпимее жгла ненависть. Побег стал целью жизни.

— Теперь мы будем умнее, — шептал Михаил своему товарищу, — выберемся ночью... Попробуем по аварийной лестнице...

Вечером они не поднялись наверх. Затаились в заброшенной штольне. Больше суток просидели в ней. И следующей ночью, ослабевшие от голода, с одной шахтерской лампочкой, добрались до аварийной лестницы, Это просто железные скобы, вбитые в стену шахты. Когда-то лазали по шведской стенке для забавы, а эта стенка длиной почти в километр. Что, если с кем-то встретятся на ней? А вдруг на выходе стоит пост? Получишь прикладом по голове — и лети, откуда пришел... Каждый думал об этом, но молча, упрямо перехватывал руками настывшие скобы. Пальцы немели, вот-вот разожмутся... Страх

придавал силы. И выдержали беглецы.

Их приютили бельгийские патриоты.

Советские войска уже перешли Днепр! Но еще ближе союзники... Узнали: на бельгийской земле, совсем рядом, английские солдаты. Вот кто поможет вернуться домой! Союзники же, друзья!

Добрались до английской части два советских парня. Приветливо встретил их офицер. Угостил отличным вином с хорошей закуской. И говорил им много хорошего. И пообещал: вот так же сытно и вольно будет им всегда, если пожелают они служить в английской армии. Зачем им в Россию? Или не знают они, что советские пленные считаются изменниками? Там ждет их смерть!

Михаил первым встал из-за стола:

— Есть у нас такая поговорка: на миру и смерть красна. Хотим домой!

Кто знает, о чем думал английский офицер, удивленно глядя на коренастого парня с серыми глазами. Сказал только сухо что-то вроде русского «пеняйте на себя» и вызвал машину. Так оказались они в лагере, где уже были сотни таких вот «несговорчивых». А потом их перебросили в туманную Шотландию. Но когда же в Россию? Когда домой?

Союзники не спешили с отправкой. И все уговаривали. Иным пленным уже начинали казаться верными доводы: ведь союзники, можно в их рядах воевать против

общего врага. Теперь уговоры велись без вина и закусок (суточный паек в лагере — пачка галет, кусочек консервов) и по три дня без воды! Шишкин не сдавался.

«Измором думают взять. Держись, солдат!»

Удалось кому-то дать знать обо всем этом в советское посольство. Зашевелилось лагерное начальство. Перестали мучать. И вскоре наступил-таки долгожданный день. Английские морские транспорты с советскими пленными взяли курс на Россию.

Как во сне ступил Михаил на родную землю. Не чуя ног под собой, шагал в строю по людным улицам весенней солнечной Одессы.

Родина, израненная, но все такая же крепкая духом, приняла их. Михаил попал сначала в один из башкирских колхозов. Потом — в Баку. Нежданно-негаданно окунулся он в совсем незнакомую стихию — стал нефтяником. Пригодились природная смекалка и сноровистость, по душе пришелся тяжелый, азартный труд буровиков. Осваивал он новое дело играючи, сил-то не занимать было. Кончится вахта, а Михаил с сожалением вздохнет — еще бы часок! Сколько труб было перекатано, сколько верховым рабочим лесенок избегано, да своего добился-таки — выдержал экзамен, встал за бурильный станок. Товарищи по несчастью, вместе прибывшие из Англии, разъезжались по домам. Шишкин так вот сразу не мог оторваться от

полюбившегося станка, да и заработок хорош. Деньги посылал матери.

Через год и Шишкин собрался домой. Но, встретив в Грозном знакомого, тоже буровика, задумался: знакомый предложил ему поехать в неизведанные Прикумские степи — искать нефть...

Озек-Суатская нефтеразведка!

Вокруг нее кипели страсти ученых. Грозненские энтузиасты доказывали: там, за Терекком, — золотое дно! В министерстве были у них сторонники, но были и малoverы, что сеяли сомнения. Дело затягивалось.

Наслушался про Озек-Суат всяких кривотолков Михаил Шишкин. В общегитии старикан страдал пареньков, еще не снявших формы ремесленников: Озек-Суат, мол, раскаленная пустыня, кроме гадюк да скорпионов, никакой живности, и суховей-«астраханец» налетает черными бурями, ни зги не видать... Чудак! Нашел чем пугать!

Михаил волновался - неужели он не попадет туда? Понимал: на такое ответственное, трудное дело должны брать, как в опасную фронттовую разведку, не просто охотников, но самых опытных. Потому шел он на общее собрание обеспокоенный: что-то скажет Сергей Васильевич Богданов, управляющий трестом?

— Еще недавно Озек-Суат был дерзкой мечтой геологов, а теперь

он и нам, буровикам, спать не дает! Переключаемся, друзья, на походную жизнь!..

Слушали напряженно, всяк понимал — разрушенному войной хозяйству нужна, как воздух, нефть, нужны новые месторождения. Богданов не скрывал трудностей, советовался с бывальными нефтеразведчиками, и среди них Михаил чувствовал себя таким же зеленым, как сидевшие рядом вчерашние ремесленники. Но они смело и настойчиво заявляли о своем желании ехать. Михаил молча, но с надеждой смотрел на седого сутуловатого человека с горячим блеском голубых глаз, ловил каждое слово и не обманулся — последние богдановские слова оказались решающими:

— Зову и молодежь! Смелых зову!

...Озек-Суатом, по имени ближнего селения, названо голое место — ни речушки, ни кустика, ни даже телеграфного столба. В полынных зарослях отбили геофизики пять государственных точек, отметили колышками, где должны буриться скважины, — и все.

Все начиналось с нуля. Раскинув палатки, буровики принялись помогать строителям монтировать вышки. День и ночь тянулись за триста километров из Грозного машины, автобусы, тягачи — везли трубы, кирпич и доски — все, до гвоздика, до черенка к лопате. Исхлестали степь дорогами. Всяк прокладывал свою —

напрямик. На пяточке вокруг застроек до того размололи землю — пыль по колено. Ну и давал разведчикам духу «астраханец»: без очков из палатки носа не высунуть. Хмурились, чертыхались разведчики, но дело двигалось. Поднялись скоро в степи пять вышек.

Ближняя к поселку — первый номер — досталась молодому мастеру Федору Макарову. Имя его начинало греметь, а собрал он в свою бригаду тех, самых зеленых, нетерпеливых, и Михаил Шишкин в их числе. Три вахты по четыре человека. Опытнее всех в бригаде — Георгий Резников, весельчак и гармонист. Его вахте первой посчастливилось подняться на мостки буровой вышки. Еще не выветрился свежий запах дощатого пола, все оборудование новенькое и чистое. Не хотелось Михаилу со своим помощником Борисом Касаковым вот так сразу взять и уйти, хотя им предстояло лишь после обеда сменить вахту Резникова. Да и назначенные в ночь Виктор Остапенко с Васей Соколовым, жизнерадостным маленьким Соколенком, тоже тут, замерли в ожидании...

И вот загудел дизель. Резников, сбив на затылок кепку, взялся за ручку тормоза. Долото коснулось земли, и все вокруг затряслось, загудело. И вот уже обмывающий долото глинистый раствор вынес первые черные потоки размолотой земли. А бурильщик, не отрывая глаз от приборов, стоял в потоке солнца, загорелый,

мускулистый, и вокруг него молча стояли товарищи, будто ждали чуда...

Праздником был для бригады этот день! Только один человек среди них чувствовал себя почти несчастным — Петя Блохин. Ростом чуть выше Соколенка, жадный на работу, но застенчивый, он подкатывал трубы, таскал утяжелитель для раствора и безмолвно переваривал в себе обиду. Не ожидал паренек: в Самашках ведь он уже работал бурильщиком, ему доверили станок, а здесь вдруг поставили самым младшим рабочим. Соколенок, всегда сияющий улыбкой, не умевший стоять без дела, помогал Петру ворочать трубы и успокаивал:

— Не расстраивайся! Вот домонтируют пятую вышку, уйдет туда Резников мастером, и ты здесь его место займешь. Вот увидишь!

Вскоре перешел Резников на пятый номер. Блохина перевели к знаменитому мастеру Свинцову, но опять же не дали станка. И эту обиду проглотил Блохин, а все-таки не ушел из разведки.

Радовался Михаил Шишкин своим новым друзьям, новому делу. Не смущали его ни трудности, ни заботы. А их все прибавлялось. Скоро «белые мухи» полетят — надо помогать строителям; из Грозного все подвозят сборные щитовые домики, а рабочих рук не хватает.

Сдав вахту, буровики долго плещутся под тугой прозрачной струей артезиана. Потом,

наскоро пообедав, бегут на стройку. Михаил уже приловчился набивать дранку, помогал стропилить. Допоздна, при свете фар, стучали молотки, звенели пилы.

А потом усаживались отдохнуть на бревна, шершавые и липкие. Пахло сосной и полынью. Вокруг стрекотали цикады, с ближней буровой доносился незатихающий рокот дизеля. Во тьме степи — электрические лампочки на вышках казались звездами, а в окошках новорожденных домиков мигали желтыми глазами керосиновые лампы.

Так начинала обживать степь. Вырастала первая улица с первым названием — Комсомольская. Кругом молодежь; человека в тридцать лет тут называли дедом. И начальники подстать — главный инженер Павел Колесников, главный геолог Юрий Мерзленко — с институтской скамьи, совсем зеленое начальство.

Все молодо, ново и необычно — один день не похож на другой. Однажды мелькнула у Михаила мысль: вот когда писать дневник-то... Есть о чем сказать, о чем вспомнить. Да не до того. Под осенними ливнями расквасилась степь невылазной грязью. Буксуют машины и глохнут. Выручает работяга-трактор...

Пока отсвистала вьюгами зима, немало лиха хлебнули разведчики, обживая степь. Но неотступно, метр за метром, сверлили землю. Все азартнее соревновались

бригады — кто же первый откроет нефть? А весенняя степь уже кивала головками тюльпанов, словно утверждала поверье стариков о том, что там, где скопляется кровь земли, расцветает великое множество тюльпанов. Да, легко бы жилось геологам, если бы все так совпадало!

Одна за другой, достигнув проектной глубины, притихали буровые вышки. Начиналось испытание. Сотни веков молчала Затеречная равнина. Что-то ответит она? Есть ли нефть? И сколько ее?

Шли недели, месяцы. А вместо нефти вода и вода...

Ломали голову инженеры. Нервничали начальники — уже миллионы рублей истрачены, а нефтью все не пахнет. Пахней бедой... Оживились в министерстве малoverы, доказывают: Озек-Суат — мыльный пузырь!

Поползли слухи: скоро закроют разведку. Люди загрустили. Тишина в поселке. Будто готовились разведчики хоронить свою мечту, свою надежду... И дивился Михаил Шишкин в такое время Богданову. Приедет он из Грозного, и как-то все повеселеют. То тут, то там слышится его любимая поговорка:

— Идешь в разведку — верь в удачу!

Удалось-таки Богданову добиться разрешения еще на одну скважину-шестую. Собрали молодежную бригаду: Соколенок с Петром Блохиным назначены оба с повышением — буровыми.

и Михаил Шишкин.

Но скоро его радость омрачилась горькими думами: почему-то других буровиков посылают в Грозный учиться на мастеров, а его, Шишкина, все обходят. Разве он не вырос здесь, не отдавал все силы? Разве не хочет учиться? Значит, не доверяют ему в чем-то? Биография с пятном... Он никому не жаловался, ничего не требовал — тяжело переживал.

Как-то, придя на ночную вахту, он увидел около шестой буровой богдановский «газик». Принимал эту вахту Михаил как бы вместе с управляющим: осмотрели хозяйство, прочли записи в вахтенном журнале. Потом стояли на помосте, глядя на темнеющие в степи молчаливые и загадочные вышки. Богданов говорил о своей надежде на эту вот, последнюю скважину, наказывал строго соблюдать режим бурения, четко выполнять указания геологов.

Подавленное настроение Михаила рассеивалось, хотелось, чтобы оправдалась эта надежда. Но многое было непонятно, и он спрашивал Богданова:

— Отчего все происходит? Хорошо же мы пробурили первую скважину, и геологи своими лабораторными анализами предсказали нефть. Да где она? Все вода и вода... Значит, не в одном бурении только дело. Что-то мешает добыть нефть, если она тут есть.

— Есть, есть! — Богданов похлопал Михаила по плечу и

улыбнулся. — Кто ищет, тот всегда найдет! — Он стал быстро спускаться с помоста, но обернулся и добавил: — Закончим шестую скважину и поедешь учиться. Мастером будешь!

Михаилу стало вдруг жарко. А он-то сомневался, мучился. Чудак! Надо быть вот таким же, как Богданов, — настоящим разведчиком: прямым, открытым, верить в удачу дела, верить в людей!

...На этой же неделе случилось такое, что перевернуло все и вся! Устали разведчики испытывать первую буровую; казалось, там уже нечего ждать, нечего соблюдать особой технической предосторожности. В полдень ушли все в столовую. И вдруг над буровой что-то загудело, вздыбилось к небу черной кометой. Налетевший ветер подхватил ее хвост и понес на поселок Затеречный, сея черный дождь. Тяжелые жирные капли падали на землю, на стены домов, на бегущих людей.

— Нефть!

— Фонтан!

Михаил Шишкин тоже бежал, глядя на свою первую ожившую скважину. Над нею — огромный фонтан; видно, велики запасы нефти! И пугала необузданная сила — это же авария!.. От волнения у него отяжелели ноги, но он все бежал, глаза туманились слезами радости...

...С тех пор минуло десять лет. И в знак доброй памяти разведчикам, на месте первого фонтана, на века

установлен обелиск — символ рождения на Ставрополье нефтяной промышленности. Золотым дном оказался не только Озек-Суат, а все Прикумье, на нем — Зимняя Ставка, Величаевка, все новые и новые месторождения открывали разведчики. Нескончаемым потоком по стальным артериям течет «черная кровь» земли.

За эти годы не одну скважину пробурила бригада мастера Михаила Шишкина. И опять он в разведке — на недавно открытом месторождении—Русском Хуторе. Сейчас бригада его ведет испытание скважины.

— Очень ответственная эта штука, испытание. Так и жди каверзы — может случиться гидроразрыв, все что угодно. И будь начеку, сумей принять быстрое решение, — рассказывает Михаил Шишкин. — В общем кропотливая, но страшно интересная работа. Сейчас вот испытываем девятый пласт, идет нефть с водой — вот и разберись, из какого пласта сюда вода пожаловала? Из верхнего или нижнего, или в том же девятом есть?

Говорит он негромко, сдержанно. Когда же речь заходит о первых шагах разведки, о жизни, начатой здесь с палаток, — он вспоминает забавные эпизоды и смеется от души, блестя белыми ровными зубами.

— Кажется, все это было только вчера!

Когда человеку десять не кажутся одним днем — это значит: полезную прожил он жизнь.

Мы возвращались с Русского Хутора вечером и

вышли из машины чуть не доезжая поселка. Шишкин шел твердой неторопливой походкой, улыбаясь своим воспоминаниям.

— Теперь наш Затеречный даже в шутку, как бывало, не назовут «Затерянным»!

Да, пробудилась степь. Затеречный в ней как зеленый островок, окруженный вышками. А на горизонте, что светился, бывало, только вечерними зорями, ухе сверкает огнями первый рабочий город — юный Нефтекумск. Невдалеке растянулся белыми корпусами первый газолиновый завод... Скоро поглотит он драгоценный попутный газ, я ночное зарево, что еще мечется над Прикумьем космами факелов, угаснет — перестанет тревожить сердца нефтяников.

Теперь все мысли буровиков в будущем. А будущее — вот оно. Задумчивые глаза Шишкина не отрываясь смотрят вправо, на первую экспериментальную А-образную вышку.

— Пока она не показала себя в деле, даже не верилось в нее. А какая умница! Спуск, подъем колонны труб, все механизировано. Автоматически даже подается долото на забой.

Он не бурил на ней, но рассказывал о принципе устройства увлеченно. В темнеющем небе вспыхнули электрические лампочки, очертив контуром букву «А». Вместе с радостью принесла она, автоматика, и смятенные чувства. Автоматика требует больших знаний. Михаил Шишкин недоволен собой

— упускает время. В Затеречном есть филиал техникума, а он все только собирается поступать.

— Характер дурной, не умею быстро переключаться. Домой при-дешь, а думы все твои там, на буровой. Если же неполадки какие — просто сам не свой: не ешь, не спишь. Начинаю вот подумывать — не перейти ли опять в бурильщики? Отстоишь вахту и берись за учебники!

Без буровой разведки, без этой степи он уже не мыслит себя. Побывал за эти годы Михаил Шишкин и в родных краях, там, где течет река Вятка. Надышался милым запахом ржаных полей, в тот урожайный год спелый колос качался под своей тяжестью и небо чистое голубело над ним — небо и колос, что снились ему на чужбине. Но вот стали родными теперь — это небо и эта буровая вышка... А дома нашел от тогда под стрехой и свою пожелтевшую тетрадь. Так и остался ненаписанным его дневник. Но Михаил не жалеет. Теперь, отдавая любимому делу всю силу мускулов, ума и сердца, он, как миллионы других, каждодневно вписывает в дневник истории все новые и новые славные строки...
